

Ю.В. Манн

Хлестаков

ХЛЕСТАКОВ — герой комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Иван Александрович Хлестаков, мелкий петербургский чиновник, по выражению его слуги Осипа, «елистратишка простой» (то есть у него чин коллежского регистратора, самый низкий по табели о рангах), направляясь из северной столицы «в Саратовскую губернию, в собственную деревню», был принят в уездном городе за ревизора, «вельможу», обладателя высокого чина (по версии Бобчинского, он «сам генералиссимус»). Получивший солидную сумму денег в качестве взяток, обласканный, объявленный женихом Марьи Антоновны, дочери Городничего, Хлестаков благополучно убирается восвояси. Разоблачают Хлестакова лишь после отъезда с помощью перлюстрированного чиновниками его письма к приятелю Тряпичкину. Новизна этой сценической фабулы, а вместе с тем и Хлестакова как художественного характера определяется их соотношением с реальными случаями и лицами.

Возможны были три основных варианта должностного недоразумения, *qui pro quo*: на месте «ревизора» оказывался или обманщик, сознательно, с корыстной целью выдававший себя за другого; или человек, который хотя и не стремился к обману, но вполне вошел в свое новое положение и даже пытался извлечь из него пользу; или, наконец, лицо постороннее, случайно принятое за высокую персону, но не воспользовавшееся этой ошибкой. Первый случай имел место в Устюжине, где некий авантюрист выдавал себя «за чиновника министерства» и обобрал «всех городских жителей» (из воспоминаний В. Соллогуба). Второй случай произошел с литератором П. Свиньным в бытность его в Бессарабии, что, кстати, отразилось в пушкинском наброске произведения, очень напоминающем схему будущего «Ревизора»:

«(Свиньин) Криспин приезжает в Губернию N на ярмонку — его принимают за (нрзб) ... Губерн/атор/ честной дурак — Губ/ернаторша/ с ним кокетничает — Криспин сватается за дочь» (Криспин — амплуа плута и хвастуна во французской комедии).

Наконец, третий случай произошел с самим Пушкиным, который по пути в Уральск (1833) был принят в Нижнем Новгороде за чело-века, имевшего «тайное поручение собирать сведения о неисправностях» (рассказ мемуариста и историка П. Бартенева); узнав об этом позже, уже в Оренбурге, Пушкин вдоволь посмеялся над неожиданной мистификацией.

Однако концепция образа у Гоголя, который, по-видимому, был осведомлен обо всех трех случаях, не совпадает ни с одним из них. Хлестаков — не авантюрист, не корыстный обманщик; он вообще не ставит перед собою сколько-нибудь осознанной цели (в черновой редакции Хлестаков говорил себе при появлении Городничего: «...не поддаваться. Ей-богу, не поддаваться»; но затем эта фраза была снята: придерживаться какого-либо обдуманного плана ему не свойственно). Хлестаков весь в пределах данной минуты, действует и говорит почти рефлекторно, под влиянием обстоятельств. Он так и не разобрался в том, что произошло; лишь в IV действии ему смутно мерещится, что его принимают за кого-то другого, но за кого именно — осталось для него тайной. Хлестаков чистосердечен и тогда, когда говорит правду, и тогда, когда лжет, ибо ложь его сродни фантазиям ребенка.

В документах, относящихся к «Ревизору» и интерпретирующих его содержание, Гоголь всемерно подчеркивал именно эту особенность Хлестакова — непреднамеренность и естественность:

«Хлестаков вовсе не надувает; он не лгун по ремеслу; он сам поза-бывает, что лжет, и уже сам почти верит тому, что говорит» («Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора”»).

«В нем все сюрприз и неожиданность <...> Он разговорился, никак не зная с начала разговора, куда поведет его речь. Темы для разговоров ему дают выведывающие. Они сами как бы кладут ему все в рот и создают разговор» («Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”»).

Но именно это чистосердечие обмануло Городничего и компанию, ожидавших встретить настоящего ревизора, способных также вывести на чистую воду и какого-нибудь мошенника, но оказавшихся бессильными перед наивностью и непреднамеренностью. Можно сказать, что «выведывающие» создают не только «разговор», но и сам облик грозного ревизора — при участии Хлестакова, но без его инициативы.

Хлестаков необычен и по своему положению в комедийной интриге, которая чаще всего управлялась лицом, выступавшим в обличье другого; таковы (если называть ближайшие к «Ревизору» примеры) Семен в «Уроке дочкам» И. Крылова, Пустолобов в комедии «Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе» Г. Квитки-Основьяненко, а также многочисленные герои водевилей, эти, как говорил Гоголь, «водевильные шалуны». Роль же Хлестакова в интриге, хотя он и выигрывает, пассивная; тем не менее автор настаивал на его статусе главного героя. Такой статус сообщал пьесе особый, фантастический, колорит (Хлестаков — «лицо фантазмагорическое, лицо, которое, как лживый, олицетворенный обман, унеслось вместе с тройкой...» — «Предупреждение...»), превращал традиционную комедийную интригу в миражную интригу.

Первые исполнители роли Хлестакова — Н. Дюр в Александринском театре (премьеры 19 апреля 1836) и Д. Ленский в московском Малом театре (премьеры 25 мая того же года) — не смогли отделить своего героя от традиционного амплуа водевильного лжеца, прощелыги. Лишь постепенно происходило постижение Хлестакова как исключительно оригинального характера, причем этому процессу содействовал и сам Гоголь, так, 5 ноября 1851 он прочел комедию в присутствии писателей и актеров, в том числе и С. Шумского, игравшего Хлестакова, с целью показать, как надо вести эту роль, особенно сцену вранья «это нечто вроде упоения, наития, сочинительского восторга — это не простая ложь, не простое хвастовство» (из воспоминаний присутствовавшего на чтении И. Тургенева) Среди последующих замечательных истолкователей Хлестакова — С. Васильев (1858), М. Садовский (1877), П. Самойлов (1892),

«Вот, между прочим, одна придуманная г. Самойловым подробность. Когда он рассказывает, как играет в вист с сильными мира сего, то с великим апломбом начинает пересчитывать партнеров: министр иностранных дел, французский посланник, немецкий посланник. Потом внезапно задумывается “кого бы еще выдумать” и вдруг вспоминает: — И я... Это произносится с извинительной улыбкой и вызывает у окружающих подобострастный смех».

В более поздних постановках усилилась гротескная окраска образа Хлестакова, особенно это относится к игре М. Чехова (Художественный театр, 1921) и Э. Гарина (Гос. театр им. Вс. Мейерхольда, 1926).

В исполнении М. Чехова Хлестаков являлся с бледным лицом, с бровью, изогнутой серпом, — визитная карточка клоуна, шута, безумца, являлся как «существо пустое, порою наглое, порою трусливое, лгущее с упоением, все время что-то разыгрывающее — какую-то сплошную импровизацию». В трактовке же Мейерхольда, осуществленной Гариним, Хлестаков — это «принципиальный мистификатор и авантюрист», «шулер», в его облике было что-то от «оборотня», от «мелкого беса». Обе концепции заметно отклонялись от гоголевской интерпретации, согласно которой в Хлестакове «ничего не должно быть означено резко», «он даже хорошо иногда держится», не говоря уже о том, что Мейерхольд придавал его поступкам некоторую целенаправленность, однако благодаря всему этому усиливалась фантазмагоричность образа и всей пьесы в целом

Среди последующих выдающихся исполнителей роли Хлестакова — И. Ильинский (Малый театр, 1938), О. Басилашвили (Большой драматический театр, 1972), А. Миронов (Московский театр сатиры, 1972).

Глубокому осмыслению хлестаковщины как явления содействовала и литературная критика и публицистика А. Григорьев писал о том, что степень сатирического эффекта прямо пропорциональна мелкости Хлестакова как личности: «Чем пустее, глаже, бесцветнее будет Хлестаков на сцене <...>, тем строже явится Немезида над беззакониями города». В. Короленко, рассматривая образ Хлестакова, разобрал феномен самозванства история Хлестакова «в тысячах живых снимков повторяется ежегодно, ежемесячно, чуть не ежедневно по всему лицу русской земли». Н. Бердяев распространил анализ хлестаковщины на Россию советского периода: «Нет уже самодержавия, но по-прежнему Хлестаков разыгрывает из себя важного чиновника, по-прежнему все трепещут перед ним <...> Хлестаковская смелость на каждом шагу дает себя чувствовать в русской революции». И. Ильин, говоря о том, что «Хлестаков напоминает нам <...> о возникающих в русской истории многочисленных самозванцах, которые породили столько несчастья», подчеркивал международное значение этого характера «Но ведь не только о России должна идти речь».